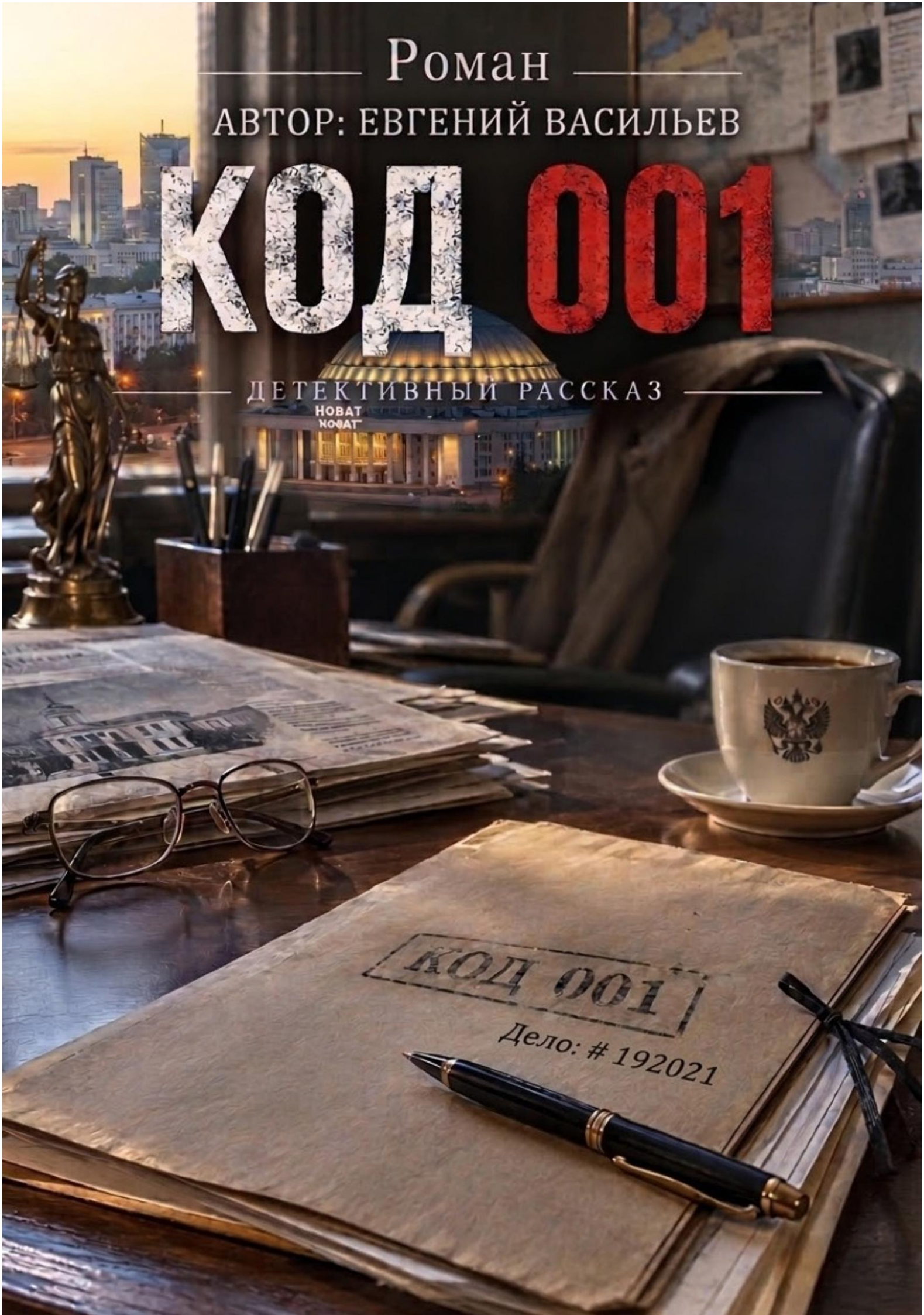
Роман

АВТОР: ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВ

КОД 001

ДЕТЕКТИВНЫЙ РАССКАЗ

Евгений Васильев

Код 001

«Автор»
2026

Васильев Е.

Код 001 / Е. Васильев — «Автор», 2026

В анатомическом корпусе городской больницы обнаружены останки 56 человек. То, что казалось халатностью, оборачивается тщательно выстроенной схемой: анатомический материал годами изымался, проводился по двойным реестрам и переправлялся за рубеж — немецкому исследователю Хартманну под таможенным кодом 001. Это история не только о преступлении, но и о системе, которая делает его возможным. О молчании, становящемся соучастием. И о цене, которую платят те, кто решается заговорить.Книга публикуется в авторской орфографии и пунктуации.

© Васильев Е., 2026
© Автор, 2026

Евгений Васильев
Код 001

КОД 001
Роман
Система не нарушает правил.
Система и есть правила.
Глава 1
Материал «Код 001»
Папка появилась на столе в пятницу, в начале пятого, когда большинство сотрудников прокуратуры города Сибирска уже мысленно переместились за пределы рабочей недели. Никто её не принёс — во всяком случае, никто этого не помнил. Просто в какой-то момент она оказалась там: тонкая, серая, с тесёмками, завязанными узлом, не петлёй. На титульном листе — условное обозначение, выведенное чёрной ручкой крупными, почти педантичными буквами:
КОД 001
Следователь прокуратуры Сергей Иванович Градов развязал тесёмки не сразу. Сначала он долго смотрел на папку — так смотрят на письмо, адресат которого ты, но отправитель неизвестен. Потом всё-таки открыл.
Внутри лежали распечатки. Газетные публикации — три или четыре, из разных изданий, не особенно известных. Аналитические обзоры — судя по виду, внутренние, не для широкого круга. Несколько страниц, судя по верхнему колонтитулу, из какого-то ведомственного бюллетеня. И короткая сопроводительная записка — без подписи, без исходящего номера, просто несколько строк машинописного текста о том, что материалы «заслуживают процессуального внимания» .
Градов читал медленно, иногда возвращаясь к уже прочитанному абзацу. Привычка, выработанная за годы следственной работы: торопливое чтение создаёт иллюзию понимания там, где его нет.
Суть публикаций сводилась к следующему. В ряде медицинских учреждений города и области, связанных с посмертным обращением с телами, предположительно существовала практика передачи анатомического материала за пределы страны. Практика — систематическая, повторяющаяся, прикрытая формально корректными документами. Таможенные декларации в порядке. Медицинские сопроводительные — в порядке. Получатели — зарубежные научные учреждения с безупречной репутацией. Всё выглядело законно. Именно это и было подозрительно.
Авторы текстов — осторожные, ни разу не назвавшие конкретных имён — обращали внимание на одно обстоятельство: фактическое происхождение объектов расходилось с их документальным описанием. Притом расходилось очень существенно. И это расхождение воспроизводилось слишком регулярно, чтобы объясняться случайностью или халатностью.
Градов отложил листы и потёр глаза. За окном кабинета уже смеркалось — короткие октябрьские дни в Сибирске заканчивались внезапно, будто кто-то одним движением выключал свет над городом. Он включил настольную лампу, и жёлтый свет лёг на разбросанные по столу страницы неровным пятном.
За семнадцать лет следственной работы Градов повидал многое: от примитивных бытовых преступлений, раскрывающихся за несколько часов следственной работы,

до многоэпизодных экономических дел, тянувшихся годами. Но в каждом из них всегда была отправная точка — конкретное событие, конкретный потерпевший, конкретный ущерб, который можно было измерить. Здесь не было ничего из этого. Только ощущение, что где-то в системе медицинского учёта существует трещина, через которую что-то систематически утекает.

Он снова взял в руки папку и перечитал сопроводительную записку. Без подписи. Без исходящего номера. Кто-то хотел, чтобы это дело началось — но не хотел, чтобы было известно, кто именно его начал.

Это само по себе было информацией.

* * *

Прокурор города Сибирска Виктор Степанович Ларин прочитал те же материалы в понедельник утром. Он был человеком сдержанным и к журналистским текстам относился с осторожностью, сформировавшейся за двадцать лет практики. Журналисты умеют создавать видимость системы там, где её нет.

Тем не менее он вызвал Градова.

— Ознакомился? — спросил он, кивнув на папку.

— Да.

— Мнение?

Градов помолчал секунду. Не для эффекта — он действительно думал.

— Направление есть. Доказательств — никаких. Но направление есть.

Ларин кивнул. Этого было достаточно.

— Проверку проведёшь сам. Материалу проверки присваиваем условное обозначение. — Он взял ручку и написал на отдельном листе: — «Код 001» .

С этого момента разрозненные публикации перестали быть просто публикациями. Они приобрели статус проверяемого факта. Не доказанного — проверяемого. Это принципиально разные вещи, и Градов эту разницу понимал лучше большинства.

* * *

В тот же день он сел за стол и перечитал всё ещё раз — теперь уже с карандашом в руке, отмечая на полях вопросы. Вопросов набралось много. Ответов не было ни одного.

Он закрыл папку.

Потом снова открыл — уже на средней трети, где шёл аналитический обзор с таблицами. Долго смотрел на колонку цифр, не имея возможности понять, что именно в ней неправильно, но чувствуя: что-то неправильно.

Это было знакомое ощущение. За годы работы он научился ему доверять. У следователей, проработавших достаточно долго, вырабатывается что-то вроде профессионального инстинкта — способность замечать диссонанс прежде, чем удаётся его сформулировать. Градов знал коллег, которые относились к этому скептически, считали мистикой и интуитивистской чепухой. Сам он относился к этому иначе: интуиция — это просто опыт, который ещё не успел оформиться в слова.

Он встал, подошёл к окну. За окном темнело — октябрьские сумерки наступали быстро, без предупреждения, будто кто-то одним движением задвигал шторы над городом. На парковке внизу зажглись фонари, отбрасывая жёлтые круги на мокрый асфальт.

Сибирск был городом среднего размера — не настолько большим, чтобы потеряться в нём, не настолько маленьким, чтобы все знали всех. Идеальный масштаб для того, чтобы система, подобная описанной в материалах, могла

существовать долго и оставаться незамеченной. Слишком большой город — слишком много контроля, слишком много пересекающихся интересов. Слишком маленький — слишком заметна любая аномалия. Средний — то, что нужно.
Градов думал об этом, глядя на фонари, и понимал: если предположение верно, то выбор именно Сибирска не был случайностью. Кто-то рассчитывал масштаб.
* * *
— Михаил, — сказал он в сторону приоткрытой двери.
В кабинет заглянул молодой аналитик — тёмные очки в тонкой оправе, свитер с высоким воротником, вид человека, которого оторвали от чего-то важного.
— Поднимай всё, что связано с оборотом анатомического материала за последние пять лет. Морги, патологоанатомические отделения, кремационные услуги. — Градов помолчал. — Особенно то, что уходило за пределы страны.
Михаил не записал — просто кивнул и исчез.
Градов снова закрыл папку. На этот раз — окончательно, до утра.
Работа началась.
* * *
Перед тем как уйти домой, Градов задержался ещё на несколько минут, думая о собственной биографии — не потому что это было важно для дела, а потому что мысли об очередном крупном расследовании всегда возвращали его к вопросу, который он задавал себе в начале каждого серьёзного дела: зачем он этим занимается.
Семнадцать лет назад он пришёл в прокуратуру молодым юристом, полным уверенности в том, что закон — это система, способная восстанавливать справедливость, если применять её точно и последовательно. С годами эта уверенность не исчезла, но усложнилась. Он понял, что закон работает не как механизм, а как язык — на нём можно говорить правду, можно говорить ложь, можно говорить нечто среднее, формально безупречное и по существу пустое.
Работа следователя заключалась не в применении закона, а в переводе реальности на этот язык — точно, без искажений, без упрощений, которые делают перевод удобным, но неверным.
«Код 001» обещал стать одним из самых сложных переводов в его карьере.

Глава 2

Формирование группы

Следственно-оперативная группа была утверждена во вторник, без торжественности. Ларин подписал соответствующий приказ между двумя телефонными разговорами, и секретарша отнесла копии в три разных кабинета.
Состав группы был невелик: Градов — руководитель, Михаил Сергеевич Касаткин — аналитик, прикомандированный из управления ФСБ, и оперативный сотрудник МВД Валерий Игоревич Зубов, которого все без исключения называли просто Валера. Валера был широкоплечим, немногословным человеком лет тридцати, с привычкой держать руки в карманах и смотреть на собеседника чуть снизу — не угрожающе, а как бы оценивающе, примеряясь.
Формально это называлось межведомственным взаимодействием. На практике означало следующее: трое людей из трёх разных систем попытаются сложить единую картину из фрагментов, каждый из которых хранится по-разному, учитывается по-разному и, строго говоря, принадлежит разным ведомственным реальностям.
Градов знал обоих своих новых коллег по предыдущей работе, хотя ни с одним прежде не работал в одной группе напрямую. Михаила он помнил по одному

совместному совещанию двухлетней давности — тогда молодой аналитик произвёл впечатление человека, способного за час разобраться в документации, на которую у других уходили недели. Валеру он знал лучше: пересекались по нескольким делам, и Градов ценил в нём редкое качество — умение разговаривать с людьми так, чтобы они сами не замечали, что дают показания.

Втроём они представляли собой нечто вроде треугольника компетенций: документы, оперативная информация, правовая конструкция. В теории — идеальное сочетание. На практике — три разных языка, на которых предстояло научиться говорить одновременно.

* * *

Первое рабочее совещание прошло в кабинете Градова — небольшом, с одним окном, выходящим на глухую стену соседнего здания. Стол был завален бумагами ещё до того, как Михаил принёс свои распечатки.

— Начнём с того, что у нас есть, — сказал Градов, и это прозвучало почти смешно, потому что у них не было почти ничего.

Михаил разложил на столе первые результаты поиска. Документов было много — слишком много для трёх дней работы, и это само по себе было примечательно: информация существовала, она никуда не пряталась, просто никто прежде не пытался её собрать в одном месте.

— Проблема не в отсутствии данных, — сказал Михаил, поправив очки. — Проблема в их несовместимости.

Валера посмотрел на него.

— Говори проще.

— Один и тот же объект описывается несколькими системами по-разному. — Михаил выложил на стол четыре листа с распечатками. — Медицинская система — это биоматериал с определённым кодом. Бухгалтерия учреждения — это статья расходов или доходов, зависит от ситуации. Таможня — это груз, соответствующий классификатору. Научное сообщество — это исследовательский образец с сопроводительной документацией. Четыре описания. Один предмет. И ни одно из описаний не противоречит другому формально.

— Но они не совпадают по существу, — сказал Градов.

— Именно. И именно в этом зазоре — всё, что нас интересует.

Валера долго смотрел на четыре листа. Потом спросил:

— И как это проверить?

— Пока — никак. Сначала надо понять, где именно зазор возникает. В каком месте системы.

* * *

В тот же вечер Градов задержался в кабинете до двадцати часов. Он думал о том, что сказал Михаил — о нескольких параллельных описаниях одного предмета. За годы следственной работы он привык к тому, что нарушение можно найти, если искать достаточно настойчиво. Но здесь нарушение не просматривалось нигде. Зато повсюду присутствовало нечто более трудноуловимое.

Зазор. Расстояние между тем, что было, и тем, что было записано.

Он не знал ещё, чем этот зазор заполнен. Но знал, что именно туда нужно смотреть.

Он выключил настольную лампу и вышел из кабинета. В коридоре прокуратуры уже никого не было. Гулкие шаги по линолеуму. Запах казённого здания — бумага, хлорка, чуть-чуть застоявшегося воздуха.

Снаружи шёл мелкий дождь. Сибирск в октябре выглядел так, словно кто-то

намеренно приглушил у города все краски.
Он шёл к машине медленно, не торопясь укрыться от дождя. Думал о том, что любое крупное дело начинается одинаково — с ощущения, что что-то не складывается, что официальная версия событий слишком гладкая, чтобы быть правдой целиком. Потом начинается долгая, методичная работа по выяснению, где именно гладкость обманчива.
Завтра предстояло начать именно эту работу. Сегодня оставалось только дойти до машины под дождём и постараться выспаться — привычка, которую он усвоил давно: перед началом серьёзного дела нужно спать, потому что дальше будет некогда.
* * *
Дома, уже лёжа в темноте, он не сразу заснул. Думал не о деле — о чём-то более общем, почти философском, что иногда приходило к нему в такие моменты. О том, что каждое крупное расследование меняет того, кто его ведёт. Не сразу, не заметно, но неотвратимо. После каждого дела он становился чуть более осторожным в суждениях о людях, чуть менее склонным верить очевидным объяснениям, чуть более внимательным к тому, что остаётся недосказанным.
Это было профессиональной деформацией, и он знал об этом. Но не знал, как от неё избавиться — да и не был уверен, что хочет избавляться. В конце концов, именно эта настороженность, это умение видеть зазоры между документом и реальностью делало его хорошим следователем.
Он заснул, так и не решив для себя, было ли это благословением или платой.

Глава 3

Первый выезд

Морг города Сибирска располагался на окраине медицинского комплекса — серое здание советской постройки, с облупившейся краской на карнизах и асфальтом, разбитым настолько, что машины объезжали двор по периметру. Железная дверь с кодовым замком. Над ней — выцветшая табличка, в которой слово «патологоанатомическое» было почти неразличимо.
Запах хлора чувствовался уже на подходе.
Градов, Михаил и Валера приехали без предупреждения — такой была принципиальная договорённость внутри группы. Неожиданный визит не гарантирует правды, но увеличивает шансы на непосредственную реакцию.
По дороге Валера вёл машину молча, сосредоточенно, как делал это всегда перед первым выездом по новому делу. Михаил листал распечатки на заднем сиденье, хотя в машине было плохое освещение и читать было неудобно — но он, видимо, не мог иначе, ему нужно было держать материал в голове постоянно, как держат в руках важный предмет, который боятся выронить.
Градов смотрел в окно. Город проплывал мимо — типовые пятиэтажки, заброшенный завод с выбитыми стёклами, рынок, уже закрывающийся в это время. Обычный российский областной город, каких сотни. Ничто здесь не указывало на то, что где-то под этой обыденностью скрывается система, способная годами перемещать анатомический материал через границу.
Именно это и было особенностью подобных дел — обыденность их декораций. Никто не строит секретные лаборатории в подвалах для того, что они искали. Всё происходит в обычных зданиях, обычными людьми, в обычное рабочее время.
* * *
Главный патологоанатом Иванов — Пётр Алексеевич, шестьдесят два года, худощавый, с руками, привыкшими к перчаткам, — встретил их в вестибюле. Он не

суетился. Не выражал ни раздражения, ни избыточной готовности к сотрудничеству. Просто кивнул, попросил предъявить документы, внимательно изучил их и вернул.

— Чем могу помочь? — спросил он.

— Проверка учёта и движения материалов, — сказал Градов.

— Понятно. — Иванов повернулся. — Прошу.

Он провёл их по коридору — длинному, с флуоресцентными лампами, одна из которых мигала через неравные промежутки. Двери по обе стороны были плотно закрыты. Тишина стояла такая, что казалась намеренной.

— Здесь у нас журналы, — сказал Иванов, открывая дверь в небольшой кабинет с металлическими стеллажами вдоль стен. — Всё по регламенту. Если есть вопросы по конкретным периодам — пожалуйста.

* * *

Михаил взялся за журналы сразу — методично, без лишних слов. Он открывал каждый том на случайной странице, сверял с соседним, записывал что-то в блокнот. Его лицо оставалось непроницаемым, но Градов, хорошо научившийся его читать за эти дни, видел: что-то есть.

Валера тем временем разговаривал с санитаром — пожилым, с заметной сутулостью и манерой смотреть не на собеседника, а куда-то в сторону. Разговор шёл негромко, почти бытовой: о графике работы, о том, как давно служит, о том, много ли сейчас поступает. Санитар отвечал охотно — Валера умел задавать вопросы так, чтобы они не звучали как вопросы.

Градов ходил по помещениям. Он не записывал и почти не говорил. Просто смотрел: как организовано пространство, как расположены архивные стеллажи, как маркируются ёмкости для хранения. Кто входит в помещение для хранения и кто выходит. Сколько времени проходит между входом и выходом.

Иванов сопровождал их. Он был вежлив, отвечал на вопросы точно и по существу. Но при этом не проявлял ни малейшего желания говорить больше, чем спрашивали. Именно это — не настороженность, а эта выверенная, почти профессиональная экономность — начинало беспокоить.

* * *

Перед отъездом Михаил собрал первичные наблюдения.

— Несоответствие дат, — сказал он, не поднимая взгляда от блокнота. — Журнал учёта поступлений и бухгалтерская документация расходятся в нескольких эпизодах. Незначительно — от нескольких дней до двух недель. Но регулярно.

— Объяснение? — спросил Градов.

— Иванов назвал это погрешностью документооборота. — Михаил помолчал. — Формально не исключено.

— Но?

— Но погрешность воспроизводится в одном направлении. Всегда. Без единого исключения.

Валера добавил, не оборачиваясь:

— Санитар говорит, что материал иногда уходил ночью. Не все смены, но бывало. Он сам не возил, но видел машину.

Иванов выслушал всё это спокойно — настолько спокойно, что Градов в какой-то момент подумал: он ждал этого разговора. Не боялся его, а именно ждал. Как чего-то неизбежного и, в общем-то, уже не меняющего положения дел.

— Техническая погрешность, — повторил Иванов. — Документооборот большой. Возможны неточности.

Он не солгал.
Но и не объяснил.
* * *
Пока Иванов отвечал на вопросы Градова, Михаил незаметно отошёл к дальнему стеллажу и продолжил листать журналы — на этот раз более старые, пятилетней давности. Он искал не расхождения, а их отсутствие: ему было важно понять, с какого момента система учёта стала «слишком правильной» .
Он нашёл переломную точку примерно на середине одного из томов. До определённой даты записи выглядели обычно — с помарками, с разными почерками, с типичными для живого документооборота неровностями. После этой даты — почти идеальными.
Он сфотографировал страницу, отметил дату в блокноте и вернулся к Градову.
— Нашёл границу, — тихо сказал он, отведя его в сторону. — До определённого момента документы обычные. После — другие.
— Дата?
Михаил назвал.
Градов кивнул, ничего не сказав вслух. Но он запомнил эту дату. Она могла означать многое: смену делопроизводителя, внедрение новой системы учёта, или — что было интереснее всего — момент, когда кто-то решил выстроить ту самую структуру, которую они теперь пытались распутать.
В машине, на обратном пути, Градов долго молчал. Валера вёл. Михаил смотрел в окно, и по лицу его было видно, что он продолжает думать о журналах.
— Это не нарушение правил, — сказал наконец Градов.
Михаил повернулся.
— А что?
— Расхождение систем. — Градов смотрел прямо перед собой. — Нарушение правил предполагает, что правило известно обеим сторонам и одна из них сознательно от него отступает. Здесь другое. Здесь несколько параллельных порядков существуют одновременно, каждый соблюдён формально — и именно в пространстве между ними происходит то, что нам нужно найти.
Валера не оборачивался.
— Значит, ищем между, — сказал он.
— Значит, ищем между.
* * *
Вернувшись в прокуратуру, Градов первым делом затребовал личное дело Иванова — полную служебную биографию, без сокращений. Документ пришёл к вечеру следующего дня: толстая папка, охватывающая почти тридцать лет работы.
Он листал её медленно, отмечая карандашом значимые моменты. Иванов начинал карьеру в провинциальной больнице, потом перевёлся в Сибирск, занял должность заведующего патологоанатомическим отделением пятнадцать лет назад. С тех пор — без единого перемещения, без единой попытки сменить место работы.
Это было необычно само по себе: специалисты такого уровня обычно стремятся к карьерному росту, к более крупным учреждениям, к большей зарплате. Иванов остался на месте.
Либо он был человеком без амбиций, что случается. Либо у него были причины оставаться именно здесь, на этой конкретной должности, в этом конкретном учреждении.
Градов сделал пометку: «проверить финансовое положение Иванова за последние годы» . Если зарплата заведующего отделением не объясняла его образа

жизни, это было бы значимым фактом.

Глава 4

Анатомический зал

Анатомический корпус находился в десяти минутах ходьбы от основного здания медицинского комплекса — отдельно стоящее двухэтажное строение, спрятанное в глубине территории за рядом старых берез. Летом, наверное, оно было почти не видно с улицы. Сейчас, в середине октября, деревья стояли голые, и корпус открывался взгляду сразу — приземистый, с узкими окнами и стенами цвета высохшей штукатурки.

Градов почувствовал что-то ещё на подходе. Не запах, не звук — скорее ощущение несоответствия. Снаружи — обыкновенное служебное здание. Но в этой обыкновенности было что-то слишком тщательно выдержанное. Слишком ровные дорожки. Слишком чисто выметенный двор для учреждения, которое, судя по журналам, работало круглосуточно.

Тишина здесь была другого рода, чем в морге. Та была естественной — тишина места, где много работают и мало говорят. Эта — тишина места, которое не хочет обнаруживать своего присутствия.

Градов остановился у входа на несколько секунд дольше, чем требовалось. Он давно заметил за собой эту привычку: перед тем как войти в место, имеющее отношение к делу, он на мгновение замирал — будто давал зданию шанс показать себя таким, какое оно есть, прежде чем оно успеет подготовиться к визиту. Иногда это срабатывало. Чаще — нет. Но привычка оставалась.

Михаил, стоявший рядом, поправил сумку с ноутбуком на плече и тихо сказал:

— Слишком тихо для рабочего дня.

— Да, — согласился Градов.

* * *

Профессор Волков встретил их в коридоре первого этажа. Он был невысок, плотен, с короткой седой бородой и привычкой держать руки сцепленными перед собой — не нервно, а как человек, который давно решил, что жест этот производит впечатление сдержанности.

— Документы, — не спросил, а констатировал он, увидев группу.

— Плановая проверка учёта и движения материалов, — ответил Градов.

— Понимаю. — Волков кивнул с таким видом, словно это был единственно возможный разумный ответ. — Прошу в архивный зал.

Он шёл впереди, не оборачиваясь. Михаил и Валера шли следом. Градов — последним, намеренно замедляя шаг, чтобы смотреть по сторонам.

Коридор был длинным. По левой стороне — двери, все закрыты, на каждой — номер и кодовый замок. По правой — встроенные шкафы из нержавеющей стали. Свет — ровный, белый, без теней. Именно такой свет Градов всегда ассоциировал с местами, где важна точность и где ошибка стоит дорого.

* * *

Архивный зал занимал большую часть второго этажа. Стеллажи от пола до потолка, на каждом — папки, журналы, коробки с маркировкой. Система маркировки была продуманной, почти изящной: буквенный код, цифровой индекс, дата. Всё поддавалось считыванию мгновенно.

Михаил начал просмотр немедленно — взял с ближайшего стеллажа журнал за предыдущий год, открыл на первой странице и молча погрузился в чтение.

Волков стоял в стороне и наблюдал. Не вмешивался. Не задавал вопросов. Просто стоял — с тем же выражением спокойной готовности, с которым встретил

их в коридоре. Градов заметил, что он ни разу не посмотрел на журнал, который листал Михаил. Словно заранее знал, что там написано.
Прошло, наверное, минут двадцать. Михаил дочитал журнал, взял следующий, потом ещё один. Потом остановился.
— Здесь нет разрывов, — сказал он.
Валера, стоявший у окна, повернулся.
— Это хорошо или плохо?
Михаил не ответил сразу. Он смотрел в журнал, как будто ещё раз проверяя себя.
— Это означает, что система учёта не восстанавливала реальность. Она её фиксировала изначально. — Он поднял взгляд. — Журналы слишком точные. Без единой исправленной даты, без единого зачёркивания. Если это живая работа — так не бывает.
Градов подошёл к стеллажу и взял один из журналов наугад. Страницы были плотные, мелованные — дороже обычного для служебного документа. Записи выполнены одним почерком, что само по себе странно: за несколько лет не сменился ни один делопроизводитель? Каждая запись — идентификатор, дата, код материала, подпись. Всё на месте. Всё правильно.
И именно это было неправильно.
В нормальных учреждениях документы несут на себе следы живого процесса: исправления, пометки на полях, разные почерки, иногда — просто следы спешки. Здесь документы выглядели так, словно их готовили к выставке. Или к проверке.
* * *
Волков по-прежнему молчал. Градов подошёл к нему.
— Скажите, — произнёс он, не глядя в лицо профессору, а продолжая листать журнал, — кто ведёт документацию?
— Делопроизводитель отдела.
— Один человек?
— Как правило.
— За все эти годы?
Пауза. Небольшая, но заметная.
— Была преемственность. Порядок передачи дел у нас отработан.
— Покажете акты приёма-передачи дел?
Ещё одна пауза.
— Разумеется. Подготовим.
Он не сказал «вот они» — он сказал «подготовим» . Градов отметил это, не показывая, что отметил.
* * *
Перед отъездом Валера отозвал Градова в сторону.
— Я поговорил с лаборантом. Молодой, лет двадцать пять. Работает здесь второй год. — Валера понизил голос. — Говорит, что материал иногда забирают не по стандартной процедуре. Машина приезжала поздно вечером, не скорая и не ритуальная — просто микроавтобус, тёмный. Кто именно забирал, он не знает, но видел документы — они всегда были подписаны.
— Чья подпись?
— Не разглядел. Говорит, была печать.
Градов кивнул.
— Хорошо. Пока не трогаем лаборанта — пусть думает, что разговор случайный.
Они вернулись в машину. Корпус остался позади, за голыми липами. Волков, судя по всему, смотрел им вслед — но Градов намеренно не обернулся.

* * *

Вечером того же дня, уже дома, Градов разложил на кухонном столе распечатки, которые взял с собой — что было против правил, но он давно выработал привычку дорабатывать материалы вне кабинета, где никто не отвлекал. Квартира была небольшой, обставленной по-холостяцки скупо: он развёлся семь лет назад, и с тех пор так и не собрался обустроить жильё по-настоящему. Жена забрала с собой большую часть мебели и почти все украшения. Осталось то, без чего можно было жить.

Он смотрел на фотографии журналов, которые сделал Михаил, и думал о Волкове. Что-то в манере профессора держаться не давало покоя — не настороженность, а именно подготовленность. Человек, который заранее знает, какие вопросы ему зададут, и заранее решил, как на них отвечать. Это означало одно из двух: либо Волков был исключительно осторожным человеком по натуре, либо его предупредили о визите.

Если предупредили — то кто? И как этот кто-то узнал о начале проверки раньше, чем сама группа выехала на место?

Это был вопрос, на который у Градова пока не было ответа. Но он записал его в блокнот — отдельной строкой, среди прочих незакрытых вопросов дела.

* * *

Финансовая проверка Иванова, инициированная на следующий день, дала первый результат уже через неделю. Зарплата заведующего патологоанатомическим отделением, согласно официальным данным, была вполне обычной для региона — не выдающейся, но достаточной для скромного достатка. Однако его расходы, насколько их удалось проследить по открытым источникам — покупка автомобиля три года назад, ремонт квартиры, поездка с семьёй на заграничный курорт прошлым летом, — заметно превышали то, что можно было объяснить официальным доходом.

— Превышение небольшое, — сказал Михаил, представляя результаты. — Не катастрофическое. Можно списать на накопления, на помощь родственников, на что угодно.

— Но если сложить с остальными признаками, — сказал Градов, — превышение перестаёт быть случайным совпадением.

Он добавил эту информацию к общей картине — ещё один маленький кирпич в стене, которую они выстраивали уже почти месяц.

Глава 5

Документальная логика

Следующие три дня группа работала в прокуратуре, не выезжая. Михаил сидел за своим ноутбуком и несколькими стопками распечаток — он систематизировал данные, собирая их в единую схему. Валера разбирал оперативные сводки. Градов выстраивал правовую конструкцию — пытался понять, какие нормы потенциально нарушены, и есть ли вообще нормы, описывающие то, что они наблюдали.

Это оказалось труднее, чем казалось.

Законодательство об обращении с анатомическим материалом было сложным, многоуровневым и содержало материалы, о существовании которых законодатель, возможно, и не подозревал. Или подозревал — и оставил намеренно.

Градов перечитывал нормативные акты, делая пометки на полях. Регламент медицинской деятельности. Положение о патологоанатомической службе. Таможенный кодекс в части, касающейся биологических материалов. Международные соглашения о научном сотрудничестве. Каждый документ по

отдельности был логичен и внутренне непротиворечив. Но когда он пытался свести их воедино, в местах стыков обнаруживались пустоты — зоны, не охваченные ни одним из регламентов напрямую, но формально не запрещённые ни одним из них. Именно в этих пустотах, судя по всему, и существовала система, которую они расследовали.

* * *

На третий день Михаил разложил на столе итоговую схему — несколько листов А3, скреплённых между собой. Схема напоминала карту: узлы, соединённые линиями разной толщины, кружки, обозначающие учреждения, пунктир там, где связь была предположительной, а не доказанной.

— Результат неоднозначный, — сказал он. — С одной стороны, документы формально безупречны. С другой — они не объясняют происхождение объектов учёта.

— Уточни, — сказал Градов.

— Вот, к примеру, эпизод. — Михаил ткнул пальцем в один из узлов схемы. — Запись в журнале: поступление анатомического материала такого-то числа. Источник — не указан. Это допустимо по действующему регламенту в ряде случаев. Дальше — движение материала по учётной системе. Всё оформлено. Дальше — выбытие: передача для научных исследований, соответствующий акт, подписи. Тоже всё в порядке. Но если спросить: откуда взялся первый объект — источника нет. Дыра в начале цепочки.

— И эта дыра повторяется? — спросил Валера.

— В двадцати семи из сорока одного проверенного эпизода.

Тишина.

— Двадцать семь из сорока одного — это не погрешность, — сказал Градов.

— Нет, — согласился Михаил. — Это закономерность.

* * *

Градов отложил бумаги и встал, прошёлся по кабинету. У него была привычка думать в движении — сидя, он мог анализировать, но для того, чтобы сформулировать что-то важное, ему нужно было встать.

— Значит, мы имеем дело не с подделкой документов, — произнёс он наконец.

Михаил поднял взгляд.

— А с чем?

— С разрывом между документом и реальностью. — Градов остановился. — Документы не фальшивые. Они настоящие, они правильно оформлены, они соответствуют регламенту. Просто реальность, которую они описывают, не совпадает с реальностью, которая существовала.

Михаил медленно кивнул.

— Это сложнее, чем фальсификация.

— Намного. Фальсификацию можно доказать экспертизой. Это — нет. Это нужно реконструировать.

Валера, который всё это время молчал, сказал:

— То есть нам нужно доказать, что было на самом деле — при том что документы говорят другое и технически им не противоречат.

— Да, — сказал Градов.

— Весело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.